

Катя в юности страсть как любила мороженое. Любое. Сливочное, шоколадное, фруктовое... Она готова была его есть каждый день и хоть по сто раз на день, да только у неё не было такой возможности. Катя приехала в Москву на учёбу из маленького провинциального городка и была весьма и весьма ограничена в средствах. Но к своему дню рождения она всё-таки накопила немножко денежек, по вечерам подрабатывая на упаковочной фабрике, и впервые за год пребывания в столице пошла в кафе-мороженое. Она заказала шоколадное, сливочное с изюмом, долго выбирала фруктовое из-за их обилия и согласилась попробовать, по-совету продавщицы, зелёное — с загадочным для неё заморским фруктом киви, и ещё заказала пирожное и лимонад. Решила: «Гулять, так гулять»! А когда полезла в сумочку, её охватил ужас.

— Эх ты, растяпа! — всплеснула руками пожилая продавщица. — Кошелёк дома позабыла! Так и быть, лимонад сама выпью, в горле уже пересохло от болтовни с покупателями, а остальное положу обратно. Чистенькое ведь, не тронутое. А ты придёшь в другой раз.

— Да как же в другой?.. — навернулись слёзы на глаза Кати. — У меня сегодня день рождения.

— Тогда поезжай домой, возьми кошелёк, и возвращайся.

— Да не позабыла я его!.. — расплакалась Катя. — Я покупала билет в метро.

— Правда, растяпа, — дрогнул голос продавщицы. — В метро народу тьма-тьмушая. Надо бы повнимательнее.

— Что случилось? Что? — подбежал к прилавку молодой сердобольный паренёк, который зашёл в кафе вслед за Катей.

— Да вот, у девушки день рождения, а у неё в метро кошелёк украли. Приходится обратно выкладывать мороженое

— Не надо ничего выкладывать! Не надо! Я угощаю девушку, раз такое дело. Не каждый ведь день — день рождения, — остановил продавщицу паренёк, и стал считать свои скромные студенческие копейки — чуть-чуть не досчитался и густо покраснел.

— Ладно, давай сколько есть, — добродушно проворчала продавщица, добавила от себя в каждую порцию ещё понемножку мороженого, с улыбкой выдала парочке две ложечки и поинтересовалась: — Зовут-то тебя как, джентельмен?

— Павлик! — в горячке выпалил джентельмен, но тут же остыл, поправил галстук, и официально представился: — Павел. Студент юридического факультета.

* * *

Год спустя неопытные в житейских делах, встревоженные Павел и Катя сидели в приёмной родильного отделения.

— Павлик, а мы с тобой так и не придумали имя для ребёнка, — устало прижалась Катя к плечу мужа.

— Ириной назовём. Чувствую, первой будет дочка.

— Почему Ириной? — насторожилась Катя. — В честь твоей первой девушки?

— Не выдумывай!.. — засмеялся Павел. — Ты моя первая девушка.

— А в честь кого тогда?

— В честь древнегреческой богини. В переводе на русский означает «мир, покой». Я хочу чтобы у нас в семье всегда были мир и покой.

— А если будет мальчик?

— Нет. Будет девочка. Сначала нянька, как в народе говорят, а потом Ванька, — обнял Павел жену и добавил. — Правда, пусть будет дочка, а то у меня в роду одни братья и племянники.

— Ладно, пусть будет мир и покой, — согласилась, наконец, обычно покладистая и рассудительная, но теперь беременная и слегка неуступчивая Катя.

Забирать Катю из больницы Павел пришёл с двумя букетами цветов. Один был из красных тюльпанов, второй — из жёлтых.

— Вот тебе, две Ирины, — вложила Катя в руки мужа близняшек и забрала цветы.

— А тебе два букета! — просиял счастливый Павел.

— Люди говорят, не к добру жёлтый цвет. К расставанию...

— Да ну их!.. Какие были, такие и купил. Лучше скажи, как вторую назовём?

— Ты выбрал имя для первой, выбирай и для второй. Ты же хотел девочку.

— Хорошо! — обрадовался Павел. — Вторую назовём Марина.

— Почему Марина?

— Чтобы созвучно было. Близняшки ведь. Ирина и Марина.

— А я думала это имя тоже какое-то особенное, — расстроилась Катя, услышав такой простецкий ответ.

— Особенное! Конечно особенное! — поспешил успокоить её Павел. — То ли «морская волна», то ли просто «морская». Потом уточним в энциклопедии.

— Как здорово! — хлопнула в ладоши Катя. — Это знак! Я всегда мечтала увидеть море!

Мир и покой в доме Павла и Кати были недолгими. Вскоре выяснилось, что Ирина родилась с пороком сердца. Врачи, исходя из реалий жизни, поступили честно, обрисовали ситуацию такой, какая есть на самом деле. Они предрекли, что девочка вряд ли доживёт до года, и объяснили, опять исходя из реалий жизни, растерявшимся, придавленным горем молодым родителям, что процесс выхаживания такого ребёнка очень и очень трудоёмкий и затратный.

— Что надо делать? Говорите! Мы готовы на всё! — в сердцах выкрикнул, до крайности взвонованный Павел и прижал к себе плачущую Катю.

— Я то вижу, что вы готовы на всё, — тяжело вздохнул главный врач. — Да только этого мало. Нужны немалые средства. А вы, как я понимаю, и так едва сводите концы с концами. Вам бы, дай Бог, вылечить вторую девочку. Она ведь тоже с пороком сердца, пусть и в более лёгкой и возможной к выхаживанию форме...

Ирину пришлось оставить в больнице, после многих слёз и сомнений, чтобы появилась возможность выходить хотя бы одну дочь, надеясь на чудо.

И чудо свершилось. Марина выросла здоровой и красивой. Родители души в ней не чаяли и, как водится, избаловали. Повзрослев, девочка стала несносно проказливой, как шаловливая морская волна на порывистом ветерке. Она перестала заниматься музыкой, запустила учёбу в институте, пристрастилась к посещению ночных клубов, из-за чего то и дело попадала в неблагоприятные истории, из которых отец едва успевал вытаскивать её — благо, он стал к тому времени успешным бизнесменом.

Павел с Катей были в растерянности, не знали что и делать. И тут им в голову пришла спасительная, по их мнению, мысль. Они решили отправить беспокойную дочь за границу — в один из британских университетов: «Может хоть там, в чопорной Англии она почувствует ответственность и остепенится». Но дочь вдруг остепенилась дома, стала по собственной инициативе вовремя просыпаться и спешить в институт.

— Марина, ты так изменилась в последнее время, в правильного мальчика влюбилась что ли? — не удержалась однажды мать от каверзного вопроса.

— Нет, — загадочно улыбнулась Марина. — В девочку.

— Правда, что ли?.. — округлились глаза матери, в изумлении.

— Да не волнуйся ты так! — засмеялась Марина. — Просто познакомилась с хорошей девушкой. В том самом кафе-мороженое, в которое ты меня часто водила в детстве.

— Ты снизошла до кафе-мороженое? — ещё больше округлились глаза матери.

— Сама удивляюсь, — пожала плечами Марина. — Захотелось вдруг зайти, ни с того ни с сего. Как магнитом потянуло. Подошла к тому самому столику, за который мы всегда садились с тобой, а там эта захудалая девчонка, Лариса. Интересное совпадение, её имя тоже с морем связано. Я — «морская», а она — «чайка». Да ещё, вдобавок, на меня поразительно похожа. Только какая-то неухоженная вся. Одевается как провинциалка, причёска старомодная...

— И что же тогда тебя так заинтересовало в ней?

— Она необыкновенно умная и работоспособная. Легонько сдала вместо меня два зачёта. Правда, ради этого мне пришлось притвориться ужасно больной.

— Как это вместо тебя? — не переставала удивляться мать.

— Так я же говорила, мы очень похожие. И учится она тоже на юридическом факультете, только на вечернем отделении.

— А почему на вечернем?

— Из бедной семьи, наверно. Днём работает на упаковочной фабрике.

— На какой? — переспросила мать, вспомнив свою юность.

— Кажется, на упаковочной. Да я приведу её к нам на выходные, с ночёвкой, — пообещала Марина. — Сама всё расспросишь и заодно откормишь эту худышку.

* * *

— Мама, вот она какая Лариса, познакомься! У нас привычки совершенно одинаковые!.. — игриво зашебетала веселушка Марина, когда привела подругу домой.

— Ириночка, доченька! — упала перед гостьей на колени Катя и в истерике запричитала. — Прости меня ради Бога! Прости!..

— Какая Ирина?! Какая доченька?! Что с тобой, мама?! — заволновалась Марина и вцепилась в плечи подруги. — Скажи ей, скажи!..

— Что сказать? — оторопела Лариса и тоже встала на колени.

— Что ты Лариса, моя подруга!

— Да. Но до пяти лет я правда была Ириной...

* * *

Ирина наперекор судьбе и, к великому удивлению врачей, выжила. Только судьба больше не баловала её. Девочку по закону отдали в дом ребёнка, а когда ей исполнилось три годика передали в детский дом, и никто в суете не удосужился уточнить по какой причине родители отказались от неё.

В три с половиной года обаятельную и смышлёную Ирину удочерила бездетная, не в меру педантичная супружеская чета. С приёмной дочерью они нянчились, как с игрушкой, и не столько ради девочки, сколько ради собственного тщеславия и для глаз посторонних. Ирина этого по малолетству не понимала и чувствовала себя вполне счастливой. Но через год произошло непредвиденное — приёмные родители вскоре узнали, к безграничной своей радости, что у них будет свой ребёнок. Ирину тут же возвратили в детский дом, даже не задумываясь, что возможно только благодаря ей Бог послал им собственное дитя.

И всё же Ирине опять «повезло». Через полгода её снова удочерили богатые люди, потерявшие во время родов свою дочь. Но зачем они это сделали, сами толком не понимали. Новый папа был вечно занят неотложными делами и всевозможными приёмами — он-то и согласился взять в дом чужую девочку только из-за капризов жены, да по совету её лечащего врача. Новая мама никакими важным де-

лами не была занята, но на воспитание дочери у неё тоже не было времени — разве что утром минутка, другая... Все мысли мамы были об одном — о себе родной. Она с утра до вечера без усталости металась, вместе с такими же одержимыми, как и она подружками, по дорогим магазинам, модным ателье и салонам красоты. Лишь один раз она оказала Ирине особое внимание — быстренько, благодаря связям, сменила ей имя. Да ещё иногда брала её в гости, чтобы щегольнуть перед подружками. Воспитанием девочки в основном занимались, не чая в ней души, домработница и кухарка, и даже садовник. Но Ирина, теперь уже Лариса, всё равно больше всех любила именно маму и бесконечно гордилась ею. Она считала её самой красивой и самой умной в мире, и когда пошла в школу, сразу привела в дом чуть ли не весь класс, чтобы показать какие у мамы замечательные наряды и украшения. Только мама не оценила её гордости. Мама подняла жуткий крик, увидев разложенные по всем диванам и стульям свои самые лучшие вещи. Она тотчас выдворила всех дочкиных друзей на улицу и примерно наказала прислугу. А когда дочь, успевшая усвоить в детском доме простую истину — заступись за слабого, горой встала на защиту ни в чём не повинных людей, получила подзатыльник. Теперь ей строго настрого запрещалось входить в комнату мамы. Но дочка не отчаялась, она стала любоваться своими нарядами и всякими интересными вещицами и игрушками, коих у неё скопилось за два года пребывания в новом доме немало — мама всегда дарила, когда выводила в люди, папа иногда вспоминал про неё перед праздниками, да ещё родственники и не бедные друзья родителей приносили целыми мешками, приходя в гости. Однако это занятие вскоре прискучило Ларисе и она пришла к мысли, что у других и капельки нет от того, что есть у неё, и стала благодушно раздавать свои вещи на улице первым встречным детям... И мама опять ужасно кричала, и опять примерно наказала прислугу. А слишком добрую и справедливую дочь наказала ещё примернее — возвратила её в детский дом.

Только через пять лет Ларисе снова повезло, на этот раз по-настоящему — её удочерила добрая обеспеченная вдова. Целых четыре года Лариса была счастливой — она жила в своей отдельной комнате, в которую могла приводить друзей, ходила в престижную городскую школу и мечтала выучиться и стать хорошим, справедливым педагогом. Но судьба в очередной раз повернулась к ней другой стороной, её добродетельная мама, весёлая, симпатичная женщина в расцвете сил, вдруг умерла от сердечного приступа, не успев завещать для дочки хоть что-нибудь.

Совершеннолетней Лариса стала в детском доме, и когда её выпустили во взрослую жизнь, предоставив всего лишь незначительную компенсацию на оплату съёмной квартиры, вместо собственного жилья, она не растерялась, пошла работать на упаковочную фабрику и поступила в педагогический институт на вечернее отделение, воплотив свою детскую мечту в жизнь. Но через год пришла к выводу, что после педагогического она сможет бороться за справедливость только в одном, отдельно взятом детском учреждении, а вот если получит диплом юриста, то сможет защищать интересы всех обездоленных...

* * *

— Доченька, это твоя сестра, Ирина. Вы близнецы. Обними её, — протянула Катя руку к Марине.

Марина впервые в жизни перекрестилась и тоже встала на колени рядом с матерью и сестрой.

— Она родилась с тяжёлым пороком сердца. Врачи сказали, что не проживёт и года, и посоветовали оставить её в больнице, чтобы мы смогли сохранить хотя бы вторую девочку. Тебя... — стала Катя сбивчиво объяснять Марине, глотая слёзы. — И мы согласились, потому что были нищие студенты. Точно не выходили бы вас обеих...

— погоди, мамочка, не время выяснять подробности, — ласково погладила плечо матери Марина, видя как она мучается. — Главное, что мы её нашли, и заберём к себе.

— Обязательно! Прямо сейчас выделим ей собственную комнату!

— Мне? — удивлась Ирина. — Собственную комнату? В вашем доме?

— Да, большую собственную комнату. И не в вашем, а в нашем доме... — стала Катя обнимать и целовать вновь обретенную дочь.

— Я отдам свою комнату, она у нас самая лучшая в доме! — предложила Марина и тоже стала обнимать и целовать сестру. — А ещё ты переведёшься учиться в дневную смену, со мной в одну группу.

— А как же работа? — совсем растерялась Ирина, обласканная внезапно обвинившимися матерью и сестрой.

— Какая работа?! — испугалась Катя, начавшая было понемногу успокаиваться рядом с прижавшимися к ней дочерьми. — Учёба! Теперь только учёба! У тебя снова есть родные мать и отец!

— И родная сестра! — в шутку насупилась Марина. — Про меня что, сразу позабыли?

— И родная сестра, — ещё крепче прижала к себе дочерей счастливая мать.

— Надо срочно позвонить папе! — выхватила из сумочки телефон Марина.

— Не надо, доченька! Не надо! — остановила её Катя. — По телефону трудно всё объяснить. Пусть вернётся домой.

* * *

Павел третьи сутки был в другом городе по неотложным делам. Такое с ним случалось крайне редко. Не любил он покидать свой уютный дом ни под каким предлогом. Не видеть жену и дочь хотя бы один день, было для него настоящим испытанием. Он измучился за это, казалось бы непродолжительное, время, изнервничался, и даже мысль, что завтра утром он снова будет со своими любимыми, не облегчала его страданий. А тут ещё, как на грех, раздался неожиданный звонок.

— Твоя дочь Марина у меня. Если не привезёшь в течении суток деньги в указанное место, продам её на органы, — хрипло пробасил незнакомый мужчина и следом раздался девичий вопль.

— Это ещё что за шутки?! Сейчас же прекратите! — строго потребовал Павел, а у самого ёкнуло в груди.

— Указание получишь в электронном виде, — продолжал гнуть свою линию неприятный голос. — И запомни, повторно ни на какие контакты не пойду.

— Это не Марина, он ошибся! — вдруг вырвался из трубки звонкий голосок и тут же оборвался.

— Не вздумай пойти в полицию, ей сразу конец! — прозвучала очередная угроза и телефон отключился.

Павел был уверен — это грубая шутка какого-то злопыхателя. Тем не менее позвонил дочке.

— Папа, не выдумывай! — укорила его Марина. — Никто меня не воровал, и не нужны мне никакие охранники! Я сейчас в институте, на лекции!

Услышав голос дочери и хорошо знакомый шум аудитории, Павел постепенно успокоился и отключил телефон, желая избавить своё больное сердце от лишних волнений.

* * *

— Это Ирину украли! — осенила Катю страшная догадка, когда муж прямо с порога рассказал ей историю приключившуюся с ним в командировке.

— Какую Ирину? Что ты опять придумала? — нехотя пробурчал Павел и попытался бочком проскользнуть на кухню.

— Нашу дочку!.. — в слезах упала Катя ему на грудь и стала рассказывать.

— Почему ты не позвонила и не сказала, что она нашлась? Почему?! Ума не хватило что ли?! — впервые в жизни накричал Павел на жену.

— А потому что нельзя с наскака! Да ещё по телефону! — тоже впервые в жизни повысила голос на мужа Катя. — У тебя ведь тоже сердце больное.

— Но почему у меня требовали выкуп за Марину, а не за Ирину? — всё ещё сомневался Павел.

— Да потому что перепутали. Про вторую девочку ведь ещё никто ничего не знает. А потом же они близняшки, ты что, забыл?

— Нет. Но девочки всё равно должны чем-то отличаться друг от друга. Одеждой, причёской, привычками. Да и живёт Ирина в другом месте.

— В том-то и дело, что Ирина последние два дня была у нас. Марина сделала ей причёску под себя, пальто своё подарила, сумочку фирменную, серёжки дорогие. А потом она поехала к себе на квартиру за документами, завтра обещала вернуться. Навсегда.

— За что? Ну за что на девочку такая напасть?.. — схватился Павел за сердце.

* * *

Павел, Катя и Марина весь день сидели вместе на одном диване, впервые за последние несколько лет. Сидели молча, обнявшись, в чрезвычайной тревоге и идти в полицию, по настоянию Павла, не собирались.

— Он умышленно не звонит, — не вытерпела под вечер Марина. — Хочет удвоить сумму выкупа.

— Да пусть хоть удесятит! — вскричал Павел. — Только бы позвонил!

Но шантажист не звонил.

— Всё, хватит ждать! Надо идти в полицию! — зарыдала Катя без слёз — все слёзы давно уже были выплаканы.

— Да, надо идти, — не стал более упорствовать Павел.

— А разве он не говорил, что сразу убьёт её? — вопросом остановила родителей Марина.

— Говорил! — вскочил Павел и стал быстро ходить по комнате, приговаривая. — Звони! Звони! Звони!..

И телефон зазвонил...

* * *

Вооружённый похититель был убит при задержании. А Ирину нашли в заброшенной деревеньке, в указанном шантажистом пу-

стующем доме. Она была без сознания, с разбитой головой, на груди лежала записка: «Сама виновата, пыталась сбежать».

* * *

Катя больше месяца дежурила, а фактически жила в больничной палате. По вечерам к ней присоединялись Павел и Марина и они все вместе подолгу разговаривали с находящейся в коме Ириной. Говорили, по совету врача, не громко, размерянно, только о хорошем.

— Это я во всём виновата! — не выдержала напряжения Марина. — Я подарила ей свои вещи!

— Нет, Мариночка, — обнял дочь Павел. — Мы с мамой во всём виноваты. Изначально виноваты.

— Я виновата! Я!.. — стояла на своём Марина. — Я должна была оказаться на её месте!

— Нет, доченька. Нет. Папа правильно говорит, мы во всём виноваты, — поддержала Павла Катя и с укоризной посмотрела ему в глаза. — Где же эти мир и покой? Зря ты придумал такое имя.

— Нет, не зря, — прошептала вдруг Ирина и открыла глаза. — У нас обязательно будут мир и покой...